

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Т.2 №1 (зима 2018)

Содержание

К читателям	2
Российское эстетическое общество: текущие дела	3
Информационное письмо о журнале «Terra Aestheticae»	4
Анонсы конференций, семинаров и круглых столов	6
Эксклюзив: Ж. Делез	9
Приложения	22

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели,

Перед вами – информационный бюллетень Российского эстетического общества «Эстетический вестник», издаваемый 4 раза в год.

Прочитав этот номер, вы:

- выясните, какое интеллектуальное движение происходит под знаком Российского эстетического общества;
- узнаете, куда обращаться в случае потребности опубликовать статью в журнале «Terra Aestheticae»;
- разберетесь с тенью сомнения по поводу того, в каких эстетических событиях в ближайшее время можно принять участие;
- прочитаете новый перевод лекции Ж. Делеза, который слишком много знал о том, как избавиться от навязчивости личных местоимений.

Авторы «Эстетического вестника» постарались сделать его максимально удобным, полезным и эстетичным. Если у вас есть какие-либо предложения информация, подходящая для нашего вестника, – свяжитесь с нами по адресу rsaesthetics@gmail.com.

С уважением, Российское эстетическое общество.

ТЕКУЩИЕ ДЕЛА

Российское эстетическое общество

Российское эстетическое общество с энтузиазмом пережило новогодние праздники и продолжает двигаться вперед семимильными шагами.

За последние месяцы ряды членов Общества начали активно пополняться, расширяя географические рамки. С новыми членами РЭО к эстетическому движению продолжают присоединяться российские города: Барнаул, Владимир, Иваново. Поскольку одна из главных целей создания Российского эстетического общества - помощь в распространении информации об эстетических событиях по всей России и предоставление возможности профессиональным эстетикам услышать друг о друге, обратите особое внимание на пополнившийся список конференций, проводимых в России, которые ждут вашего участия не меньше, чем иностранные коллеги. Если и вам есть, чем поделиться с эстетической общественностью, срочно вступайте в РЭО и присылайте информацию о событиях в вашем городе – мы будем счастливы о них рассказать!

Совсем скоро мы оповестим вас о выходе дебютного номера профильного журнала РЭО, который в последние несколько месяцев сменил свое название на “Terra Aestheticae” и расширил состав редколлегии, куда теперь входят С.Б. Никонова (главный редактор), А.Е. Радеев, В.В. Прозерский, А.А. Грякалов, Е.Н. Усюгова, Н.А. Артеменко, А.А. Сеницын, А.Ю. Тылик, Д.А. Поликарпова, М.А. Васильева, А.К. Новикова (Санкт-Петербург), Б.В. Орлов, Л.А. Закс, И.М. Лисовец, Н.Л. Быстров (Екатеринбург). Несмотря на то, что набор статей в первый номер уже завершен, мы горячо приветствуем новых авторов для публикации в следующих. Подробную информацию о порядке предоставления материалов вы найдете в одном из разделов «Эстетического вестника», а также – на нашем [сайте](#).

Кроме того, в настоящий момент ведутся последние переговоры о порядке проведения Российского эстетического конгресса, информация о котором также в скором времени будет размещена на сайте Общества в разделе «События».

Также Российское эстетическое общество работает над расширением контактов с зарубежными эстетическими ассоциациями. В июле 2018 года в Хельсинки пройдет конференция под эгидой Международной эстетической ассоциации «Границы, будущее и задачи эстетики», где на секции, посвященной российской эстетике, с докладами выступят шесть коллег из России. Если прием тезисов на это мероприятие уже закончен, то с самым грандиозным мировым эстетическим событием – **Всемирным эстетическим конгрессом** Международной эстетической ассоциации – все только начинается. Конгресс проводится раз в три года и в следующем, 2019 году, пройдет в Белграде. Информацию о том, что нужно сделать, чтобы выступить там с докладом, вы найдете в разделе «Анонсы».

Напоминаем, что если у вас есть потребность в онлайн режиме следить за деятельностью Общества, вы можете сделать это любым удобным для вас способом. Информацию о работе Общества можно найти на нашем [сайте](#), в социальных сетях: [twitter](#), [vk](#).

Мы хотим подчеркнуть, что Российское эстетическое общество горизонтально не только в смысле институциональной свободы, но и в отношении возраста и статуса в академическом мире. Мы будем особенно рады студентам и молодым ученым, интересующимся эстетикой, в качестве членов РЭО, авторов статей, докладчиков на конгрессах и конференциях, соразработчиков наших проектов.

О том, как вступить в Российское эстетическое общество, вы можете узнать на [сайте](#).

Очень ждем вашего энтузиазма и готовности продуцировать и воплощать новые идеи!

Информационное письмо о журнале «Terra Aestheticae»

Дорогие коллеги по эстетическому сообществу!

Настоящим информационным письмом редакционная коллегия официально объявляет набор профильных статей в текущий номер журнала «Terra Aestheticae», который планируется издавать два раза в год в печатном и в электронном вариантах с последующим выходом издания в крупнейшие системы индексирования.

Идея и миссия журнала

Журнал «Terra Aestheticae», который начинает издавать Российское эстетическое общество, взаимодействующее с Международной эстетической ассоциацией (ИАА), крупнейшей в мире по нашей специализации, планируется как уникальное российское специализированное издание по эстетической проблематике, предназначенное для исследователей, преподавателей и одновременно для широкой аудитории. В число членов редколлегии и штатных рецензентов вошли известные российские специалисты. Важнейшей задачей журнала является координация теоретических публикаций в нашей области, консолидация интеллектуальных усилий российских эстетиков различных институций, регионов и направлений исследования эстетического опыта.

Будучи исключительной инициативой Российского эстетического общества, журнал призван также наладить прочные научно-информационные связи с коллегами во всем мире и выйти на мировой уровень публикаций и в этом отношении он представляет собой международное издание. Для этого в редакционный совет журнала приглашены ведущие специалисты из многих стран: Ноэль Кэрролл (Noel Carroll), США; Богдан Дземидок (Bohdan Dziemidok), Польша; Мария Вабалайте (Maria Vabalaitė), Литва; Мишко Шувачевич (Mishko Suvakovic), Сербия; Джэйл Эрзен (Jale Erzen), Турция; Золтан Сомеги (Zoltan Somhegyi), Объединенные Арабские Эмираты; Адриан Квокачка (Adrian Kvočacka), Словакия; Кеничи Сасаки (Ken ichi Sasaki), Япония; Пэн Фэн (Peng Feng), Китай; Джоосик Мин (Joosik Min), Республика Корея; Макс Риинанен (Max Ruynänen), Финляндия; Кристоф Вольф (Christoph Wolf), Германия; Беата Фридричак (Beata Frydryczak), Польша; Харри Леманн (Harry Lehmann), Германия; Себастьян Станкевич (Sebastian Stankiewicz), Польша; Арто Хаапала (Arto Haapala), Финляндия. Поскольку журнал имеет не только отечественную, но и международную аудиторию, представляя современную эстетику в глобальном аспекте, его содержание и структура являются двуязычными. Рабочими языками издания равноправно признаны русский и английский, что создает режим свободного диалога эстетиков всех стран на страницах российского эстетического издания.

Редколлегия журнала надеется, что журнал «Terra Aestheticae», при Вашем заинтересованном и деятельном участии, станет регулярным изданием с интересными и глубокими статьями по различным направлениям эстетических исследований и формам эстетических практик. В журнале предполагаются следующие тематические рубрики:

- THEORIA (актуальные проблемы эстетической теории);
- HISTORIA (историко-эстетические исследования);
- ARS (эстетические проблемы искусствоведения, эстетический анализ произведений искусства)
- TRANSLATIO (введение в русскоязычный оборот ранее непереведенных источников);
- REVISIO (рецензии на публикации, диссертации и дискуссии по эстетике);
- PRAXI (описание эстетического опыта во всех проявлениях).

Требования к присылаемым материалам

Рукопись подается на русском или английском языке с переводом части аппарата.

Структура рукописи:

- имя и фамилия автора (на русском и английском);
- аффилиация автора (на русском и английском);
- город, страна, адрес электронной почты (на русском и английском);
- название статьи (на русском и английском);
- аннотация объемом 200-300 слов (на русском и английском);
- ключевые слова (5-7 слов, на русском и английском);
- текст статьи (20-50 тыс. знаков);
- список литературы

Наш журнал поддерживает Harvard style в оформлении ссылок на библиографические источники, см. на [сайте](#).

Принимаются файлы в форматах MicrosoftWord.

Текстовые сноски – постраничные.

Материалы просим высылать на адрес
terraaestheticae@yandex.ru

МЫ РАССЧИТЫВАЕМ НА ДЛИТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

С самыми лучшими пожеланиями,
Редакционная команда «Terra Aestheticae»

Конференции, семинары и круглые столы

АНОНСЫ

21-й Международный эстетический Конгресс
«Возможные миры современной эстетики.
Эстетика между историей, географией и медиа»
Место и время: Белград, 22-26 июля 2019
Дедлайн подачи заявок: 1 сентября 2018
Подробная информация на [сайте](#).

1

2

Международная научная конференция «Эстетика
и эстетическое образование в процессе
трансформации современной культуры»
Место и время: Владимир, 6-7 апреля 2018
Дедлайн подачи заявок: 5 марта 2018
Подробная информация: см. Приложение 1

3-я Международная научно-теоретическая
конференция «Коммуникативные тренды
в эпоху постграмотности»
Место и время: Екатеринбург, 26-28 апреля 2018
Дедлайн подачи заявок: 15 апреля 2018
Подробная информация: см. Приложение 2.

3

4

IX Международная конференция «Современное
искусство в России и за рубежом:
идеи, проблемы, тенденции»
Место и время: Тюмень, 26 мая 2018
Дедлайн подачи заявок: 15 апреля 2018
Подробная информация: см. Приложение 3.

III Ежегодная конференция московского центра исследования игр «Смерть и макабрическая эстетика в играх»

Место и время: Москва, 12-13 мая 2018

Дедлайн подачи заявок: 20 марта 2018

Подробная информация на [сайте](#).

5

6

VI Международная конференция «Музыка-философия- культура»

Место и время: Москва, 24-26 апреля 2018

Дедлайн подачи заявок: 20 марта 2018

Подробная информация на [сайте](#).

Международная конференция

«Дизайн встречается науку»

Место и время: Мюнстер, 30 ноября – 1 декабря 2018

Дедлайн подачи заявок: 22 марта 2018

Подробная информация на [сайте](#).

8

30-я Международная конференция общества исследований юмора

Место и время: Таллин, 25-29 июня 2018

Дедлайн подачи заявок: 31 марта 2018

Подробная информация на [сайте](#).

Студенческая конференция

«Осмысляя искусство»

Место и время: Уорик (Англия), 3 мая 2018

Дедлайн подачи заявок: 26 марта 2018

Подробная информация на [сайте](#).

9

10

Конференция Австралийского общества цифровых гуманитарных наук

Место и время: Аделаида (Австралия), 2-5 октября 2018

Дедлайн подачи заявок: 9 апреля 2018

Подробная информация на [сайте](#).

11

Международная конференция «Малые кинематографии: от массовости к глобальности»

Место и время: Бока-Ратон (США),
9-10 ноября 2018

Дедлайн подачи заявок: 30 апреля 2018

Подробная информация на [сайте](#).

Седьмая международная конференция
по философии искусстве в Дубровнике
Место и время: Дубровник, 23-27 апреля 2018
Дедлайн подачи заявок: 20 марта 2018
Подробная информация на [сайте](#).

12

13

Межвузовский научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Неделя науки и творчества 2018» (СПбГИКиТ)

Место и время: СПб, 16-20 апреля 2018

Дедлайн подачи заявок: 23 марта 2018

Подробная информация на [сайте](#).

Семинары «Актуальная эстетика» (Институт философии СПбГУ):

1. Доклад М.В. Михайловой «Безмолвие мира и языки культуры»

Место и время: Институт философии СПбГУ
(Менделеевская 5, ауд. 108), 5 марта, 17.30.

2. Доклад А.А. Грякалова

«Эстетика события: свидетельства и утверждения»

Место и время: Институт философии СПбГУ
(Менделеевская 5, ауд. 24), 2 апреля, 16.00.

3. Круглый стол «Феноменологическая эстетика:
современные исследования» (отв. Н.А. Артеменко)

Место и время: Институт философии СПбГУ
(Менделеевская 5, ауд. уточняется), 6 апреля, время уточняется.

4. Доклад А.А. Аствацатурова «Между литературой и филологией.
Феномен Александра Жолковского»

Место и время: Институт философии СПбГУ
(Менделеевская 5, ауд. 108), 14 мая, 17.30.

ЭКСКЛЮЗИВ

Жиль Делёз

Лекция:

Я и личное местоимение

Перевод: Диана Ардамацкая, Семен Любаскин.
Расшифровка видеозаписи.

Вашему вниманию предлагается перевод видео-лекции Жюль Делеза, прочитанной в Университете Париж-VIII 3 июня 1980 года. Перевод впервые публикуется на русском языке и намерен пробудить в читателях большое любопытство, поскольку многие мысли, изложенные Делезом в формате лекции, не встречаются в других работах и могут заинтересовать даже тех, кто считает себя достаточно искушенным в его философии.

Вас сегодня много, очень много. Это любопытно, потому что в прошлый раз было намного меньше... Итак, я напоминаю, что это наше последнее занятие

Чтобы решить некоторые рабочие вопросы, я вас покину на десять дней, но вернусь и буду здесь уже с 20 июня. Вот так, таковы обстоятельства, надеюсь, вы понимаете. В прошлый раз мы приступили к рассуждениям касательно общих выводов, относящихся не только к этому лекционному году, а к целому этапу проделанной работы – это хорошо, потому что неизвестно, где мы будем, и будем ли вообще, в следующем году. Итак, вот выводы или основные направления изысканий, которые велись нами в течение нескольких лет. Я рассуждал о таких вещах как «что это такое есть», я обращался к таким вещам как «что это такое» – я пробовал их определить как линии ускользания, и определить, что это такое – линии ускользания. Что подразумевается под линиями ускользания? Что именно это означает, и, в особенности, чем линия ускользания или линии ускользания рискуют обернуться? А также как избежать заключенной в них опасности? Я говорю это по большей части для тех, кого здесь не было: положительно, анализ вовсе не сводится к «психо-анализу», можно заниматься, например, «гео-анализом».

Геоанализ исходит из следующей идеи: люди – индивиды или группы индивидов – состоят из линий. Это анализ очертаний, нанесение чьих-то линий, буквально, составление чьей-то карты. Итак, перед нами встает вопрос: эти линии, они что-нибудь означают или нет? Очевидно, что смысл утрачен. Линия – она не значит ничего. Мы просто составляем карту «чьих-то линий», группы или индивида, чтобы понять, что же такое все эти перемешанные линии. В самом деле, мне кажется,

мы могли бы уподобить людей рукам. Каждый из нас подобен руке или множеству рук. Наши линии не предсказывают будущее, ведь они ничему не предшествуют, но зато они весьма разнообразны: среди прочего, здесь есть такие, которые можно назвать краями, спусками или ускользаниями.

В какой-то степени, жить – это значит, в том числе, жить на линиях ускользания. Именно это я и пытался объяснить. Но каждая из этих линий таит в себе опасность. Что оказывается не так уж и плохо, даже совсем неплохо, потому что мы никогда не знаем, откуда придёт спасение – избавление или отчаяние никогда не происходят от той линии, от которой их ожидают. Мы всегда захвачены врасплох.

Я говорил об опасностях линии ускользания, о том, что она связана с вещами столь странными, что именно её мы должны опасаться больше всего. Я отмечаю, что её нужно опасаться в том смысле, что именно здесь кроются наибольшие опасности.

А именно, линия ускользания всегда имеет потенцию, власть, возможность обернуться линией разрушения, линией отчаяния и разрушения. Итак, в прошлый раз я попытался объяснить, что всё это является, во всяком случае, для меня, – линиями жизни, и именно в этих «местах», «местах бегства» строится, творится жизнь.

В то же время, линия ускользания рискует обернуться линией смерти, линией разрушения и т.д.

В прошлый раз я много морализировал, однако не вижу в этом ничего плохого, потому что я говорил о достоинстве, о том, что есть недостойного в культе смерти, и что это за культ смерти, которым оборачивается линия ускользания. Увязание, торможение, или же вот: линия

ускользания – это можно даже представить графически – внезапно совершает поворот и устремляется к чему-то наподобие «чёрной дыры». Именно так всё и происходит.

Но я не хотел бы повторяться и сегодня, пожалуй, возьмусь за похожую проблему, но рассмотрю её в совершенно ином ключе. Я уже давно хотел завести речь об этой проблеме, но всё как-то не удавалось, так что теперь самое время. Вот что меня интересует, и я хотел бы, чтобы это стало отправным пунктом, а также, чтобы вы сами задумались, какое отношение всё это имеет к сказанному – постепенно мы, конечно, поймём, что к чему, а сейчас оставим, как есть. Я хотел бы провести эксперимент и сконструировать проблему, обращаясь к творчеству тех авторов, которые, на мой взгляд, больше всего имеют к ней отношение. Вот.

Я называю это низостью, это настоящая низость. Не знаю, помните ли вы – даже если и не помните – слова Унамуно, которые я нахожу в высшей степени прекрасными, когда к нему входят франкистские военачальники и кричат: «Да здравствует смерть!», а Унамуно отвечает: «Я никогда не слышал крика столь омерзительного и глупого». Не знаю, чего добиваются типы, которые пишут подобные вещи, возможно, они считают это забавным или умным. Я думаю, что это отвратительно, это грязно, даже хуже, чем имморально, это именно грязно, это настоящее дерьмо. Это отвратительно. Но, что поделаешь?

Ладно, поговорим о более весёлых предметах. Есть один автор – многим из вас он хорошо известен, – он написал небольшой текст, в котором заключён целый спектр его мыслей, и, в то же время, этот текст затронул меня ещё до того, как я понял почему. Это текст Мориса Бланшо. Вот что пишет Морис Бланшо в книге «Обречено огню».

Это текст о Кафке. И вот, что он пишет о Кафке. Слушайте внимательно, это будет нашим отправным пунктом: «Мне недостаточно написать, мне недостаточно написать – «я» несчастен. Мне недостаточно написать – я несчастен», «поскольку я только и пишу, что я несчастен, и ничего кроме этого, поэтому я слишком близок к себе, слишком близок к своему несчастью, чтобы это несчастье действительно стало моим».

Я бы хотел, чтобы вы оставили всё, как есть, не вкапывались в эту фразу, а уловили её тональность. Это любопытно, потому что я читаю «Я несчастен, я слишком близок к себе, слишком близок к своему несчастью – слишком близок к своему несчастью», и мы ожидаем, он скажет – «для того, чтобы хоть немного отстраниться от него». Он же пишет нечто противоположное: «Коль скоро я говорю «я», я слишком близок к себе, слишком близок к своему несчастью, чтобы это несчастье действительно стало моим». Красивая фраза! И он добавляет – «в области языка». «Я ещё не вполне несчастен». «И лишь с того момента, когда я прихожу к этой странной субстанции «он несчастен», язык начинает превращаться для меня в несчастный язык, постепенно проявляя, показывая мир несчастья таким, каким он воплощается в нём». В обла-

сти языка несчастье становится моим только тогда, когда я произношу «он несчастен», то есть с этого момента начинает выстраиваться мир, которому принадлежит это несчастье. Итак, лишь с того момента, когда я прихожу к странной субстанции «он несчастен», язык начинает превращаться для меня в несчастный язык, постепенно проявляя, показывая мир несчастья таким, каким он воплощается в нём. Итак, возможно с помощью формулировки «он несчастен» – которую мы ещё не поняли, но, доверяя Бланшо, принимаем как есть – «возможно, когда я скажу, «он несчастен», я почувствую себя причастным несчастью».

Видите, он не утверждает: не нужно говорить «я», нужно заниматься другими. Нужно говорить «он говорит», потому что только, если я говорю, что «он несчастен», это горе в некотором роде становится и моим тоже. Итак, возможно, я почувствую себя причастным, и моё несчастье перейдёт в тот мир, в котором его не было. Это хуже, да? Ведь я им захвачен. Итак, я почувствую себя причастным.

Причем же здесь Кафка? Бланшо говорит, что в этом заключается суть его рассказов. Смысл рассказов Кафки заключается в этой «бесконечной» дистанции, которая отделяет «я» от «он». Он выражает свою мысль при помощи этой бесконечной дистанции и при помощи невозможности, где он встречается с самим собой. Иными словами, он достиг точки или он освободился. Как напишет Бланшо в другом тексте – это очень красивая формулировка – он освободился от возможности сказать «я». Достиг той точки, где я освобождаюсь от возможности сказать «я». Итак, в связи с этим «он» мы немного продвинулись вперёд.

«Он» – это точка, где я освобождаюсь от возможности сказать «я».

Что же это за освобождение? Вы, наверное, уже догадались, как это соотносится с темой нашего прошлого занятия. Связь достаточно очевидна.

Дело в том, что если я определяю «он» как точку, где я освобождаюсь от возможности сказать «я», то это и есть линия ускользания. Иными словами, «он» – это выражение, выражающее линию ускользания.

Да, хорошо, но как и при каких условиях я прихожу к такой точке, где освобождаюсь от возможности сказать «я»? Поскольку мы пытаемся сконструировать проблему, то можно объединить некоторые положения. Что эта точка демонстрирует, что определяет? Дело не в том, говорить или не говорить «я». Я могу продолжать говорить «я», это не имеет никакого значения. Только дураки полагают, что эксплицитный язык может что-то сообщить о положении вещей. Есть одна прекрасная фраза, моя любимая фраза из Беккета, там один персонаж говорит: «О! да я бы сказал, но они не услышат! «Они» не услышат, не услышат, я прекрасно умею говорить, как все, но только вот я же ничего никогда не подразумеваю». Дело не в том, говорить или не говорить «я». Мы все чем-то похожи на Галилея, все мы говорим: «Солнце всходит»,

хотя прекрасно знаем, что это не Солнце всходит, а Земля вращается. Нужно научиться говорить «я» в том же смысле. «Я» - это всего лишь удобный индикатор, указатель, и ничто не мешает нам пользоваться им. Это просто лингвистический указатель.

Ещё одна проблема, которая время от времени всплывала, но мне никак толком не удавалось её поставить – это проблема «национального гения» - как получилось, что мыслителей можно связать с определенной географией мысли? Так, есть английская философия, немецкая философия, французская. И это грубое разделение имеет относительно прочное обоснование. Я говорю не только о языке. В самом деле, есть концепты подчеркнута немецкие, и весьма неплохие, даже, наверно, самые лучшие, есть концепты подчеркнута французские – увы, немного, но это не наша вина, а есть концепты сугубо английские и достаточно любопытные.

Вот, например, я не могу представить, чтобы англичанин всерьёз занялся проблемой «я», в любом её виде. Это любопытно! Все великие тексты англичан, а среди них есть прекрасные, вращаются вокруг следующей идеи, именно поэтому существует граница непонимания, разобщения. Например, между картезианцем и англичанином.

Картезианец – это маленький французский цветок, его нигде, кроме Франции, больше не встретишь, но зато каков! В общих чертах, всем вам известно, что Декарт – это определенная философия, основанная на «я» и на формуле, которую, раз у нас есть время, надо напомнить, это магическая формула «я мыслю», «я мыслю, следовательно, существую». Почему же англичанин... Вот немцы, например, переняли «я мыслю, следовательно, существую». Они возвели могущество «я» до ещё больших высот, до того, что они называют «трансцендентальным это (э-г-о)», «трансцендентальным я». Хорошо, теперь это немецкий концепт, «трансцендентальное я».

У англичан, за поверхностью всех этих дискуссий, тоже встречаются очень красивые вещи. Но они их забавляют. Это их забавляет. Каждый раз, когда французский или немецкий философ заговаривают о «я», о «субъекте», англичане находят это забавным, странным! Они действительно находят забавной такую манеру мыслить. Их мысль вращается вокруг очень странной идеи: вот вы знаете, что такое «я», они же говорят, что я - это «привычка». Буквально «ожидание продолжения». Я говорю «я» в силу некоторых явлений и веры в то, что так будет продолжаться. Они полагают, что коль скоро есть сердце, которое бьётся и есть некто, кто ожидает продолжения и говорит «я», – то все это привычка. Эта их теория «я» как привычки особенно хороша, если мы сопоставим её с повседневным опытом. Почему они живут не так, как мы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно провести цивилизационный анализ. Почему их мыслители не проживают концепт «я»? Видите, я описываю круги...

Я возвращаюсь к Бланшо. Попробую резюмировать это тезис, а мне он кажется очень, очень интересным.

Попробую резюмировать его тезис, поскольку, возможно, до настоящего момента он был недостаточно прояснён – впрочем, так всегда говорят, чтобы воодушевить себя на продолжение работы. Возможно, он был недостаточно прояснён, но стоит его прояснить, как мы окажемся перед проблемой: проблемой того, что Бланшо подкладывает динамит под проблемы, не говоря ни слова, или, возможно, сам не подозревая об этом.

Что я хочу сказать? Если резюмировать тезис Бланшо, то получится следующее: существует точка зрения, что при некоторых условиях высвобождается нечто вроде языкового напряжения, это языковое напряжение или же в силу этого виртуального напряжения, язык не существует в готовом виде, необходимо самому прокладывать его, преобразовывать. Это то, что называют стилем. Можно преобразовать весь язык на основе напряжения, некоторого определенного напряжения. Напряжения, которое позволит нам перейти от личных местоимений «я», «ты» - к третьему лицу «он». К «он», превосходящему «я» и «ты».

И напряжение на этом не останавливается. Тем же движением, которым мы перешли к третьему лицу «он» - личного местоимения, всё ещё личного – мы переходим от этого «он», местоимения третьего лица, к «он», намного более загадочному и таинственному. Почему? Потому что это другое «он» не обозначает даже «третьего» лица. Итак, вы видите, что напряжение, которое мы пропустили через язык, обернулось двумя моментами:

- восхождение от личных местоимений первого и второго лица к «он» третьего лица;
- восхождение от «он» третьего лица к достаточно необычной форме, к «он», которое более не представляет собою никакого лица.

Здесь-то и начинает зарождаться проблема того, что такое этот «он». Что такое этот «он», который не является больше третьим лицом? Это «он» Кафки, тот «он», которого пытался найти Бланшо. Хорошо, не будем здесь спешить.

Итак, этот двойной переход, он и есть настоящий тензор, как я выразился в прошлом году, «тензор языка». Иными словами, мы создаём напряжение, - а язык и, в частности, рассказ способны его принять – соответственно и согласно движению перехода от первого и второго лица к «он» третьего лица, и в то же время от «он» третьего лица к «он», которое больше не имеет никакого лица.

Но при каких условиях? На уровне этого «он», которое не имеет никакого лица, нам предстоит ещё определить, что это такое. И я утверждаю, что это не некий анонимный «он», а, наоборот, чистая сингулярность. Это «он» чистой сингулярности. Сингулярности, обособленной от всех лиц.

Иными словами, это такой уровень «он», который не обозначает более никакого лица, но отмечает сингулярность, имя собственное... Смотрите-ка, я говорю имя собственное, но почему?

Хотя проблема прояснена не до конца, мы можем подвести небольшой итог. Я могу вкратце представить свои интуиции. Итак, представьте себе такую ситуацию. Мне говорят: что касается проблемы имени собственного, очевидно, что оно образуется от первого и второго лица. Это значит, т.е. это могло бы значить, что первое значение имени собственного применяется к тому, кто говорит «я» или к кому-то, кому я говорю «ты». Что у имени собственного есть производные, например: имена собственные стран, имена собственные видов животных, когда натуралисты ставят прописные буквы, чтобы обозначить виды животных, дать собственные имена видам. Или имена собственные городов, местечек и так далее, все это – следствия первого значения имени собственного, значение «я» и «ты». Этот тезис относительно имен собственных очень прост. Он состоит в том, что имена собственные образуются от форм «я» и «ты». Понимаете? Это возможно, очень даже возможно.

Я, конечно, мог бы сказать, что придумал всё это сам, однако, спрошу себя, есть ли авторы, которые размышляли о чём-то похожем? Я не говорю о ком-то конкретном, но обо всех тех, кто хотя бы имплицитно касался этого вопроса. И я хочу, чтобы мы работали именно так, не делая из меня единственный пример. Конечно, это касается тех, кому подходит подобный метод работы. Т.е. тут дело не в том, что я какой-то «эрудит», просто у меня есть смутные воспоминания об авторах.

Есть люди, которые образуют имена собственные от «я» и «ты».

Но это вовсе не значит, что я обладаю какими-то специальными познаниями, просто мне что-то случайно вспомнилось, как бывает, наверное, со всеми. Я вдруг вспоминаю, что есть один текст, у одного неизвестного автора, которого больше не читают, но я говорю о нём, потому что он весьма любопытен и у него есть забавная история. Это психиатр, сын одного отвратительного историка философии XIX века, он умер не так давно. Кажется, что он умер во время войны или после. Его звали Пьер Жане. И в то время он был очень, очень известен. Это почти наш современник – в своих работах он следовал путём, параллельным Фрейдю. Но ни тот, ни другой ничего не знали друг о друге. И это очень любопытно, потому что были попытки, хотя и не совсем удачные, связать их идеи. Они оба исходили из одной и той же точки, истерии, и Жане многое привнес в понимание этой проблемы.

И, к тому же, он создал любопытное направление в психологии, которое предложил называть «психология поведения». Ещё до того, как американцы создали свою «поведенческую психологию». И, мне кажется, это была очень интересная психология.

В целом, метод заключался в следующем: психологическая характеристика обуславливает определённый тип поведения. Это очень плодотворная идея, потому что влекло за собой следующее. Я остановлюсь лишь на некоторых

моментах, чтобы вам самим захотелось ознакомиться с теориями Жане.

Например, он очень интересно говорит о памяти. У него, у его «психологии поведения» был очень хороший, почти схоластический метод. Он говорит о памяти. Но это меня как раз не интересует. Память для меня ничего не значит. Я спрашиваю: какой тип поведения мы воплощаем, когда предаёмся воспоминаниям? Он отвечает: повествовательный.

Отсюда известное определение Жане: память – это повествовательное поведение.

Эмоцию, говорит он, невозможно почувствовать, если ее не зафиксировать. Вы видите, он использует поведение как систему координат для всего на свете. Всё есть поведение. В то же время, это понятие отличается от американского аналога. Их можно даже противопоставить. Эмоция, говорит Жане, если мы не знаем к какому типу она относится... и тут я прерываю его, потому что мне пришло в голову одно воспоминание из детства. Наверное, у всех есть такого рода воспоминания.

Это было во время каникул, когда мой отец давал мне уроки математики. Это вызывало у меня панику, хотя каждый раз происходило одно и то же. Т.е. я подозреваю, что мы оба просто смирились с необходимостью. Потому что прекрасно знали, как всё будет. По крайней мере, я знал, потому что каждый раз повторялось одно и то же, во всех подробностях. Мой отец не очень хорошо разбирался в математике, но при этом полагал, что обладает даром доступного изложения. И вот он начинал, он придерживался педагогического поведения. Я во всем проявлял добрую волю, сидел смирно, я придерживался поведения ученика. Я проявлял все признаки интереса, максимальной понятливости, и вёл себя очень скромно, как положено, но потом...

Очень скоро мы сбивались. И это заключалось вот в чём: где-то через пять минут мой отец переходил на крик и готов был меня побить, а я обливался слезами. Нужно сказать, что я был совсем маленьким, и я был в слезах. Итак, что же происходило? Мы видим две эмоции: моё глубокое горе и его глубокое чувство гнева. Что это было? Две неудачи. Неудача отца в его педагогическом поведении, потому что не получалось объяснить. Он хотел объяснить задачу с помощью алгебраического метода, потому что так проще и понятнее. А я протестовал, и, возможно, из-за этого мы сбивались. Я говорил, что учительница не разрешала мне решать алгебраическим методом, потому что когда задают задачу шестилетнему мальчишке, то предполагается, что он не знает алгебры. Кто-нибудь другой смог бы решить задачу таким способом, это понятно. И вот, мы оба выходили из себя.

- неудача в педагогическом поведении: гнев;
- неудача в ученическом поведении: слезы.

Хорошо. Это был срыв, и Жане говорил: эмоция – это просто, это срыв в поведении. Вы оба взволнованы, вы придерживаетесь какого-либо поведения и происходит

срыв, вот тут рождается эмоция. Итак, одна из лучших книг Жане, а надо сказать он написал много книг, и некоторые весьма неплохие, но лучшая книга, одна из любопытнейших книг, как мне кажется, и самая необычная книга Жане – это курс лекций, озаглавленный «От тревоги до экстаза».

Если вы как-нибудь увидите эту книгу в библиотеке, и если у вас будет время, полистайте её. «От тревоги до экстаза», эта книга всегда казалась мне замечательной. Я помню, я думаю, что именно в этой книге «От тревоги до экстаза» есть одно очень любопытное замечание. Он говорит: «Знаете ли вы, что такое первое лицо?». Теперь вы понимаете, почему я вам всё это рассказывал. Жане хочет сказать, что первое лицо предполагает некоторое поведение. Он говорит, ах да, вот, он приводит такой пример. Он говорит: «Если бы первого лица не существовало, и мы не могли бы сказать «я», то что бы мы были вынуждены говорить?»

Например, этот пример приводит Жане, вы – солдат, и вы просите разрешения у своего командира. Жане говорит, впрочем, я с ним не согласен и здесь необходимо было бы пускаться в долгие размышления, но у него это неплохо сказано, так что представим, будто он прав. Он говорит, что если бы не существовало первого лица, то солдат вынужден был бы сказать: «Солдат Дюран спрашивает разрешения для солдата Дюрана». Иными словами, он будет вынужден дублировать имя собственное. Это очень, очень хитро, я не знаю, чувствуете ли вы, но это очень, очень тонко, это прекрасная идея. И мы говорим себе, даже если не до конца всё понимаем, что это хорошая идея, что «в этом что-то есть».

Если я спрашиваю разрешения для своего друга, я говорю: «Солдат Дюран просит разрешения для солдата Дюпона», и командир отвечает: «а при чём здесь ты?». Если я спрашиваю разрешения для себя и не могу использовать «я» или любое личное местоимение, в том числе «ты», по тем же причинам, то личное местоимение – это экономия, вот и прекрасное определение, это экономия повторного употребления имени собственного. Неплохо. Действительно, солдат Дюран может сказать: «Я прошу разрешения», вместо того, чтобы говорить: «Солдат Дюран просит разрешения для солдата Дюрана». Зачем я вам всё это рассказываю? Потому что, и надеюсь вы сами это почувствовали, это совершенно противоположно тому, на что я только что намекал. Противоположно той идее, которую я недавно высказал.

Эта идея кажется совсем простой: имя собственное образуется от личного местоимения первого и второго лица.

Когда мы пытаемся поставить проблему, всё оказывается так сложно.

По крайней мере, мы узнали, что возможен и обратный ход. Возможен, но верной будет его прямая противоположность. Возможность эта заключалась в том, что личное местоимение первого и второго лица образуются

от имени собственного. Вы понимаете, в какой ситуации мы оказались? Поскольку, если, согласно гипотезе Жане, первое и второе лицо образуются от имени собственного, то что обозначает имя собственное, к чему оно отсылает?

Итак, на этом этапе мы столкнулись с той же проблемой. Но вот, что я хочу сказать – прежде чем собрать всё воедино, что позволит нам увидеть проблему, вокруг которой мы кружимся, я приведу другой пример, значимый для лингвистики. Это как раз то, что я пытался определить как «персонализм» или «персонологию» в лингвистике. Я как-то упоминал, что на мой взгляд, есть один великий лингвист, современный, актуальный, который превратил лингвистику в поистине персонологию. Это, конечно, Бенвенист. Он действительно придает особое значение именам собственным в языке и даже утверждает, что имена собственные являются чем-то общим для всех языков. Он придает особое значение именам собственным первого и второго лица. Бенвенист предлагает, – хотя я не думаю, что тут всё ясно и позже поясню почему, – следующий порядок словообразования:

Во-первых, «я» и «ты» – имена собственные первого и второго лица.

Во-вторых, «он», впрочем, нет, я ошибся, зачеркните это.

Во-первых: извлечение, извлечение из «я» и «ты» личных местоимений первого и второго лица – лингвистической формы, не сводимой ни к какой другой.

Во-вторых, из этой формы происходят «я» и «ты», личные местоимения первого и второго лица, общепотребительные, такие, к каким мы привыкли.

В-третьих, от них происходит форма третьего лица «он».

Почему я предлагаю такую абстрактную схему? Я ее предлагаю, чтобы показать вам, что мы находимся перед двумя схемами, Бланшо и Бенвениста, которые можно по пунктам противопоставить друг другу. Они противостоят друг другу в следующем:

Бланшо исходит из «я» и «ты», затем переводит их в «он», а «он» переводит в «он», который уже ни чему другому не сводим.

Бенвенист исходит из личных местоимений в целом, и выделяет из них «я» и «ты», а затем из «я» выделяет несводимую форму.

Иными словами, в одном случае (Бланшо) мы имеем то, что я бы назвал «языком», который подвержен некоему натяжению, я говорю некоему, потому что употребляю термин из физики, поверхностное натяжение, натяжение поверхности. Поверхностное натяжение, которое всегда устремляется к периферии и тянется к этому загадочному «он», тому «он», которое больше не обозначает никакого лица. Это поверхностное и периферическое натяжение, которое увлекает за собой весь язык, весь язык увлекается вслед за «он», которое больше не обозначает никакого лица.

А у Бенвениста всё обстоит как раз наоборот. Есть некая центровка, сильная концентрация, которая увлекает язык по направлению к личным местоимениям и извле-

чению «я», ещё более концентрированного, чем личные местоимения. В данном случае, это нечто наподобие внутренней концентрации и центрирования вовнутрь.

Х – Такое же различие можно провести и в отношении типов языка...

ЖД: Да. Совершенно верно. Поскольку это ставит под сомнение дистинкцию язык-речь, то совершенно верно. Вот поэтому Бенвенисту необходимо то, что он называет «дискурс». Дискурс для Бенвениста – это категория, которая выходит за пределы оппозиции, оппозиции Соссюра, язык/речь.

Итак, я бы хотел, чтобы это было нашим отправным пунктом. Здесь мы начинаем с нуля, и мне важно, чтобы вы понимали, о чём идёт речь, потому что наша проблема находится именно здесь. Выбирать не приходится, так что мы попытаемся разобраться в этих возможных ходах. Мы только что обнаружили виртуальные ходы, но их не существует. Это было бы похоже на два способа употребления языка.

- один концентрируется, стягивается вокруг углубления в личное местоимение

- и тот язык, который, напротив всегда внешний по отношению к самому себе, который превосходит личные местоимения и устремляется к безличному. К некоему «он», которое больше не является никаким лицом.

Хорошо, один из них прав, другой ошибается. Но что нам с этим делать? Мы можем посмотреть, что они хотели сказать, попытаться отыскать, что нам подходит. Но в каком смысле подходит? Есть нечто, что нам подходит, но... Это во многом зависит от того, что каждый из нас подразумевает под «я», когда говорит «я», «мне».

Итак, я делаю вид, что начинаю с нуля и спрашиваю: что такое «я» с точки зрения лингвистики? Что это такое – «я»? И тут, вы знаете, тут лингвисты в основном всегда говорят, они показывают, что это очень, очень странный, очень своеобразный лингвистический знак. И, более того, существует несколько похожих лингвистических знаков. И возможно один из них более сложный, чем другие. Они приводят в пример личное местоимение первого и второго лица «я» и «ты», а также координаты типа «здесь» и «сейчас». Возможно также «это» и «то». И, наконец, они говорят про имена собственные. Всё это образует очень разношёрстную категорию. Личное местоимение первого и второго лица, имена собственные, наречия типа «здесь», «сейчас», «это», «то», указательные местоимения.

Хорошо. Есть ли что-нибудь общее у всех этих понятий или, может, они все отсылают к чему-то одному? Попробуем проанализировать «я». Вам известно, что для совокупности этих понятий лингвистами была придумана интересная категория, обозначенная английским словом «шифтер», которое Якобсон предложил переводить на французский как «embrayeur» («рычаг сцепления»). Они говорят, это очень необычные лингвистические знаки, потому что это «рычаги сцепления». Что такое это сцепление? Мы можем попытаться применить это к «я» или к «здесь», «сейчас».

И вот, что же происходит, когда я говорю «я» или вообще употребляю лингвистический знак? Возникает двойное отношение, отношение к чему-то, что он обозначает, к положению вещей, которое он обозначает – это то, что называется отношением десигнации, и ещё есть отношение к обозначенному. Это отношение называется сигнификацией. Если я говорю «человек», то это будет простой, самый обычный лингвистический знак, не *embrayeur*.

Я могу приписать отношение десигнации. Я могу сказать, что «человек» обозначает того и этого и вот того...

Я могу приписать и отношение сигнификации. Это – разумное животное. «Человек» – это разумное животное.

Я мог бы сказать, что разумное животное – это означаемое человека.

Хорошо, вы видите, что лингвистический знак всегда обладает означаемым и означающим, в зависимости от того, какой он: конкретный или абстрактный. Возможно, что абстрактное понятие – это то, которое обладает, прежде всего, означаемым. Например, справедливость. Конкретное понятие «собака», возможно, обладает, прежде всего, означающим. Я не знаю, но, в конце концов, даже если это не так, слова имеют это двойное отношение. Но что происходит, когда я говорю «я»? Где здесь означаемое? Его нет. Вы чувствуете? Его нет. Вроде бы оно есть, и вы скажете «это я». Но, что такое «я»? Когда я говорю «я», означаемое отсутствует. Я не обозначаю сам себя. Почему? Потому что отношение означивания не предполагает самоозначивания. «Я» это очень странный знак, и, как говорил Бенвенист, «он само-референтен», то есть он отсылает к самому себе, а не к некоторому положению вещей.

Иными словами, если другие знаки имеют «обозначенное», определяемое через независимое от знака существование, то «я» не обладает таким обозначенным, которое бы обладало независимым от знака существованием. С другой стороны, присутствует ли в «я» сигнификация? Ответ: нет. «Я» не означает буквально ничего. Но в каком смысле я ничего не означает? Я уже говорил об этом в другом месте. У Русселя есть одна хорошая фраза. Руссель говорит: когда я произношу «собака», слово «собака» – это обычный лингвистический знак, слово «собака» означает что-то, что я могу обозначить вторичным образом как, например, «собаковость». Но вот – «я», чего общего между всеми теми, кто говорит «я»? Мы также могли бы сказать, что странным образом «я» не является собирательным понятием. Это чисто дистрибутивное понятие. Заметьте, то же самое происходит с понятиями «здесь» и «сейчас», и здесь всё ещё сложнее. Что же это за тип понятий, являющихся исключительно дистрибутивными? Иными словами, «я» отсылает к тому, кто это говорит. Это странно для лингвистического знака. Знак, который означает того, кто его произносит и который не имеет никакого собирательного значения, а лишь дистрибутивное, поскольку произносится тем, кто говорит, тем, кто его произносит. Вот. «Я» – это тот, кто говорит «я». Мы можем

проследить подобный сдвиг в отношении «здесь», того, что «я» обозначает как находящееся «здесь». «Здесь» – это чисто дистрибутивное понятие. Если я говорю «я здесь», то мой сосед тоже говорит «я здесь». Но между этими двумя «здесь» нет совершенно ничего общего. В общем, это странно. Вот понятия, думаю, я могу сказать, что это именно понятия, но, и это очень важно, это понятия, у которых, возможно, есть значение, но это значение очень хорошо скрыто. Это спрятанное значение. То есть значение дано в самом означающем. Это очень редкий случай.

Здесь я хотел бы вспомнить Декарта и воздать ему должное, потому что его книга – одна из лучших известных мне книг. Там есть одно место, в «Ответах» – вам известно, что Декарт написал книгу, которая называется «Размышления». Затем его современники написали возражения, что составило книгу под названием «Возражения». Декарт ответил на «Возражения» и это породило «Возражения и Ответы на возражения». Так вот, в ответах на возражения есть разного рода возражения относительно декартова «Я мыслю», когда Декарт говорит свою прекрасную фразу «Я мыслю, следовательно, существую». И многие ему говорят: «Ну, нет, я мыслю, следовательно, существую, что это значит?». И Декарт отвечает, а я думаю, что он говорит здесь так, как сегодня говорят логики и лингвисты. У него есть предчувствие, потому что один тип в своём возражении ссылается на язык. В XVII веке уже были лингвисты. И тогда Декарт отвечает на вопрос о языковой проблеме. Он говорит: «Знаете, когда вы слышите от меня «я мыслю, следовательно, существую», не стоит удивляться, как бы странно это ни звучало. Я даю определение человека». И вот это меня интересует больше всего – потому что это мне кажется чрезвычайно загадочным. Декарт даёт формулировку «я мыслю, следовательно, существую» и говорит своему оппоненту: «Вы меня не понимаете, вы не видите, что моя формулировка – это определение человека». Но можно возразить: «Почему «я мыслю, следовательно, существую» – это определение человека? И вот тут Декарт очень хорош, настоящий хитрец. Он отвечает так: «Вы привыкли к аристотелевской форме определения. Вы привыкли говорить «человек – это разумное животное». То есть вы оперируете традиционными понятиями. Вы определяете нечто при помощи родов и различительных особенностей. Род человека – это «животное», а различительная особенность – «разумное». Он говорит, что такой процесс определения мы могли бы назвать процессом, осуществляемым за счёт «эксплицитного означивания». Почему эксплицитное означивание? Потому что, когда я говорю «человек – это разумное животное», я разъясняю своим ученикам, я говорю им: «Знаете, человек – это разумное животное. Повторите».

Они тогда говорят: «Хорошо, но если человек – это разумное животное, то необходимо понять, что такое «животное» и что значит «разумное». Итак, мы приходим к определению различительного типа. Очень хорошо.

Теперь вы понимаете, что такое эксплицитное означивание. Эксплицитное означивание это означающее, означаемое которого может и должно быть эксплицитным.

Декарт говорит: «Что вы не понимаете в моей мысли, так это то, что, когда я говорю «я мыслю, следовательно, существую», я даю определение человека, воспроизводимое любым другим голосом». Ибо он утверждает и будет утверждать на протяжении всего своего творчества, что для понимания этой фразы – и это очень, очень лингвистический момент. Он всегда будет утверждать, что для понимания фразы «я мыслю, следовательно, я существую», несомненно, необходимо знать язык. Но совершенно не обязательно знать, что значит «мыслить» и что значит «существовать». Сигнификация в свёрнутом виде содержится в этой фразе, и я не могу сказать фразу «я мыслю, следовательно, существую», не понимая, если, конечно, я не просто повторяю её как попугай. Но если я мыслю, говоря фразу, что «я мыслю, следовательно, существую», то тем самым я её понимаю, так как в самой фразе, в самих знаках содержится значение «мыслить» и «быть». Иными словами, «я мыслю, следовательно, существую», в отличие от «человек – это разумное животное» – фраза со свёрнутой сигнификацией, а не с эксплицитной. Видите, мы понемногу приближаемся.

Поскольку свёрнутая сигнификация не значит сигнификация, которую можно развернуть. Это сигнификация, которую невозможно развернуть и которая не есть, поскольку способом её бытия будет пребывание в свёрнутом виде. Итак, не знаю, насколько всё это убедительно, но представим, что это так. Мы немного продвинулись в анализе того, что лингвисты называют «шифтеры». Я сказал бы, что это довольно парадоксальные знаки, ведь они автореферентны, они применяются по отношению к тому, кто их произносит или зависят от того, кто их употребляет, это чисто дистрибутивные понятия или понятия со свёрнутым значением. Но это одно и то же.

Если вернуться к фразе Русселя, он говорил, что слово «собака» отсылает к общему понятию, ко всем существам, обозначенным этим словом. Иными словами, это понятие – «собаковость». «Я» не отсылает к подобному общему понятию. Или, как он говорит, имя собственное не отсылает к общему понятию.

Несколько собак, которым присвоено имя «собака», порождают, таким образом, общее понятие. Напротив, если несколько собак названы именем «Медор», то здесь нет общего понятия, которое мы могли бы назвать «медористостью». Нельзя сказать лучше, чтобы определить статус «дистрибутивного понятия». Это всё равно, что сказать, «Медор», как имя собственное, это понятие чисто дистрибутивное. Тут мне на ум приходят тексты классиков. Итак, сделаем отступление, оставив в последний раз всю эту путаницу, и обратимся к Гегелю.

Поскольку я редко говорю об этом авторе, давайте воспользуемся случаем. Впрочем, я не рискну зайти дальше самого начала «Феноменологии духа».

В самом начале «Феноменологии духа», и это очевидно для любого читателя, Гегель совершает ловкий манёвр, акробатический трюк, который он бесстыдно назовет «диалектикой». Ведь что он нам говорит? Чтобы показать движение, непрерывное движение всех вещей, свойственное диалектике, чтобы показать, что все вещи подчинены движению самопреодоления, что он делает? Ну надо же быть таким притворщиком! Он нам говорит следующее: он говорит, давайте исходить из наиболее очевидного. Представьте, что мы ведём диалог с мертвецом. Представим, что Гегель объясняет всё это английским философам. Вы сами догадываетесь, с какого момента англичане начинают смеяться. Гегель со всей серьёзностью говорит... Хотя я беру назад всё, что сейчас сказал о Гегеле. Всем понятно, что он гений. Но, итогов...

Следите хорошенько за моей мыслью. Он рассказывает нам историю, которая начинается очень красиво, очень убедительно, он говорит, вот, есть чувственная достоверность, спутанное знание, это начало феноменологии духа. Сознание, увязшее в чувственной достоверности. И оно нас убеждает, что чувственное – это крайняя цена вещи. И тут английские философы могли бы сказать: «Он всё искажает, этот немец, он всё искажает», и, в крайнем случае, они сказали бы, да, может быть мы говорили это, чувственная достоверность – это первое и последнее, это расхожая тема, которую называют эмпиризм. И как всем известно, эмпиризм – изобретение англичан. Итак, хорошо. Вот сознание захвачено чувственной достоверностью. Оно связано узлами с отдельным, единичным. И Гегель анализирует эту единичность. Он покажет, что это слабая позиция, потому что мы не можем и шагу ступить, чтобы не превзойти уровень чувственной достоверности. И в качестве демонстрации он говорит: чувственное познание разорвано, и эта разорванность составляет первый уровень диалектики «Феноменологии духа»; оно разорвано т.к. верит, что способно ухватить самое частное, тогда как ей известны лишь универсальные абстракции.

Почему оно верит, что способно ухватить самое частное? Оно считает, что касается наиболее частного в чувственном и выражает его словами «это», «здесь» и «сейчас». Но, как говорит Гегель, который к этому моменту становится повеселее, что для него необычно, «здесь» и «сейчас» это пустые универсалии, поскольку «сейчас» означает любой момент времени, а «здесь» – любое место в пространстве. В то время, как я думаю, что ухватил самое частное, я ухватил лишь пустое и абстрактное общее понятие. И что мы видим: чувственное сознание, захваченное этим противоречием, оказывается вытолкнутым за пределы чувственного и должно перейти на новый уровень диалектики. Но прежде, чем оно совершит переход на другой уровень диалектики, обратимся к англичанам, которые уже помирают со смеху. Почему они смеются? Потому что Гегель потерял голову. Чтобы запустить диалектику, он здорово схитрил, представив

понятия «это», «то», «здесь» и «сейчас» в качестве всеобщих. То есть в качестве всеобщих понятий, отсылающих к определённому положению вещей и имеющих эксплицитную сигнификацию. Он рассматривает понятия «здесь», «сейчас» наравне с понятием «собака». Так что какой-нибудь защитник чувственной достоверности мог бы сказать: «Если у вас нет иных причин продолжать читать «Феноменологию», то я закрываю книгу». Мы останавливаемся здесь, потому что нет смысла идти дальше. Гегель думает, что чувственная достоверность преодолевает себя, потому что просто-напросто совершает трюк переходя к знанию, вместо того, чтобы заметить, что «здесь», «сейчас», имена собственные и т.д. – это рычаги сцепления. Он трактует их как общие понятия, и в этот момент, действительно, возникает противоречие. Противоречие между тем единичным, на что нацелены «здесь» и «сейчас» и формой «здесь-сейчас», понимаемой как чистая универсалия. Но вы видите, что в действительности это не так.

Если мы выделяем дистрибутивные понятия в специальную категорию, утверждая, что «здесь», «сейчас», имена собственные или же «я» не являются понятиями, то потому что это особые понятия, дистрибутивные. Но вы не можете приравнять дистрибутивные понятия к всеобщим, это понятия особого типа.

Итак, это понятия особого типа. Я только что попытался, воспользовавшись понятием сцепления или шифтера, я попытался прояснить дело, ведь это интересно. Когда я говорю «я», то это слово отсылает лишь к тому, кто его произносит, ко «мне», но и другие тоже говорят «я», хотя между нами, с точки зрения понятия, не устанавливается никакой общности. Итак, вы понимаете.

Верно ли это для всех форм «я»? Позже вы поймёте, почему я об этом спрашиваю, а пока мы почти подошли к самому трудному моменту. Верно ли это? Верно ли это для всех форм «я»? Насколько здесь необходима дополнительная детализация? Но, конечно, она необходима. Потому что это верно, однако, верно на некотором уровне. Если я говорю «я гуляю», то это не просто «я», но в тоже время... Существует ли разница между «я» в одних формах употребления и «я» в других формах, или «я» в одних устойчивых выражениях и других устойчивых выражениях. Я говорю, что «я гуляю». Я нарочно беру такие разные примеры. Я всё ещё пытаюсь сконструировать проблему. Я беру два крайних примера, но мы увидим, что, возможно, и все промежуточные тоже вписываются в проблему. Я говорю, что «я гуляю», принимая это за устойчивое выражение.

А именно, это такое «я», которое приближается к «он». Это «я» сравнимое с «он». Почему? Хорошо, я могу, например, сказать: я гуляю и не гуляю. А я только что сказал... Смотрите, я могу сказать «я гуляю», но я не двигаюсь с места, т.е. я не гуляю и говорю, что я гуляю. Т.е. я могу сказать, что я гуляю, при этом, не гуляя. Это возвращает нас к тому, что «я» соотносится с неким положением вещей, внешним, и которое может быть соот-

ветствующим или нет. Я бы сказал, что здесь мы имеем дело с употреблением слова «я». Итак, слово «я» - особое, это особый знак, но он может иметь общее употребление.

Когда я говорю «я гуляю», то не использую слово «я» в его прямом смысле. Я использую его в общем смысле, т.е. в смысле, приближенном к виртуальному «он». Я говорю «я гуляю», как если бы кто-то другой говорил обо мне «он гуляет или не гуляет», и здесь «я» уравнивается с «он». Возможно, теперь вы понимаете идею Бенвениста о том, что «не достаточно просто указать на формальную особенность «я» и «ты» в отличие от «он», необходимо нечто большее – указать форму этого особого «я». Необходимо указать на то «я», которое заключено в «я», но является ещё более особым, более глубоким, чем он; которое будет сердцевинной языка речи, т.е. сердцевинной дискурса. Что же это такое? Я хочу привести пример абсолютно противоположный примеру «Я гуляю». Я только что рассмотрел случай употребления слова «я» в «Я гуляю». Но я взял общее, расхожее употребление, т.е. я употребил его в качестве «он», в качестве общего понятия.

Поискем случай, который не был бы похож на этот. Я говорил, что «Я гуляю» - это общее употребление, поскольку, я могу сказать, что «я гуляю» и при этом не гулять, т.е. «Я гуляю» - это фраза, которая отсылает к внешнему положению вещей, которое может соответствовать, а может и не соответствовать сказанному.

Между тем, я перескакиваю на противоположный полюс. Я говорю: «Я обещаю». Я говорю: «Я обещаю». И это забавно. Это совершенно расходится с точкой зрения лингвистического анализа, не только Бенвенист, а все английские лингвисты могут вдоволь потешиться. Когда я говорю «я обещаю». Хорошо. Я обещаю. Хорошо. Это может быть ложное обещание, т.е. я хочу сказать лживое, а не ложное. Что это значит? А то, что, когда я говорю «я обещаю», вне зависимости от того, собираюсь я сдержать своё обещание или нет, я нечто осуществляю, а именно обещание. И это содержится в данной фразе.

Я бы сказал, что эта фраза не обозначает ничего внешнего. Или я также сказал бы: её значение содержится в ней самой. Видите разницу? Я бы хотел, чтобы вы согласились со мной в том, что это фундаментальная разница, разница между двумя фразами: «я» в случае «Я гуляю» и «я» в случае «Я обещаю».

- Говоря «я обещаю», я обещаю.

- Но чтобы сказать «я гуляю», мне не обязательно гулять.

Если мы задаёмся вопросом, почему эти случаи различны, лингвистический анализ даст нам прекрасный ответ. Англичанин, английский лингвист скажет: «Это тот случай, когда говоря я произвожу действие». Есть такие вещи, которые я делаю, говоря. Говоря «я обещаю», я обещаю. Но говоря «я закрываю окно», этим я его не закрываю. Иными словами, мы можем сказать, что существуют «языковые акты», существуют акты, присущие языку, а отсюда возникает очень любопытное понятие, сконструированное английскими лингвистами, «speech act». Языковой акт. Существуют языковые акты, которые

должны быть отделены от действий, внешних языку. «Я закрываю окно» отсылает к действию, внешнему по отношению к языку. «Я обещаю» не отсылает ни к чему другому, помимо языка. Когда я объявляю: «Заседание открыто», заседание открыто. Т.е. не обязательно, конечно. Но предположим, что так. Когда я объявляю: «Заседание открыто», заседание открыто.

Иными словами, я делаю нечто, говоря это. Я открываю заседание. И нет иного способа открыть заседание, нежели чем сказать, что оно открыто. Это языковой акт. Видите? Хорошо. Итак, у нас имеются два противоположных случая: «Я гуляю» и «Я обещаю». Или ещё «Я тебя приветствую», есть и другие эквиваленты. Да, действительно. Вместо того чтобы объявить: «Заседание открыто» - я могу три раза стукнуть молотком. Три удара молотком – это не языковой акт. Мы называем языковым актом всякую фразу, свойством которой будет производство действия самим актом говорения. Тогда «я обещаю» не относится к тому же типу, что и «я гуляю». Хорошо. Надеюсь, всем ясно, что эти два случая являются крайними противоположностями.

Привожу примеры.

-Я говорю: «Я полагаю». К чему это отсылает? К кому-то.

-Я говорю: «Я думаю». Это отсылает к кому-то. Да, иногда это бывает трудно определить.

-Я говорю «Я издаю звуки». Так, так, это становится интересно. Потому что всё связывается... Я вижу, что бесспорно Декарт... он был прав, он не просто так возражал. Декарт думал, что фраза «Я мыслю» относится ко второму типу: «Я не могу говорить, не производя при этом действия, мыслительного действия». Почему? Потому что среди его имплицитных допущений, присутствует идея, что человек всегда мыслит. И таким образом, я в некотором смысле не могу не мыслить.

Бенвенист будет отрицать, что фраза «Я мыслю» относится ко второму типу. Он будет относить её к первому типу.

Хорошо, надо сказать это непросто, анализировать такие фразы. Но я, по меньшей мере, завершил конструирование проблемы. И именно того, что Бенвенист хочет сказать, когда помещает в центр языка не только личное местоимение первого и второго лица, но нечто ещё более глубокое, содержащееся в личном местоимении первого или второго лица.

Видите? Ответ заключается в центровке языка, что позволяет ставить вопрос о двойственности язык/речь в ракурсе того, что Бенвенист называет дискурсом. Он состоит в том, что «он» или же совокупность фраз, называемых общими, существуют лишь, существуют лишь как, с лингвистической точки зрения, существуют лишь в той мере, в какой мы должны их относить к дискурсивной матрице, тому «я», которое глубже, чем всякое «я».

Это «я» более глубокое, чем всякое «я» - это «я» типа «я обещаю». Сцепление или шифтер.

Вы видите, что, таким образом, существует не только переход – я возвращаюсь к началу – в этом случае суще-

ствуется не только лингвистический переход от «он» к «я» и «ты», но переход от «я» и «ты» к «я» ещё более глубокому. Итак, тут мы прерываемся, потому что, если Бенвенист произвёл очень сильное влияние на лингвистику, то текст Бланшо кажется мне ещё более захватывающим, хотя Бланшо, когда писал его, совсем не думал о современных лингвистах. Что он хотел сказать?

Вся так называемая современная литература противостояла этому движению. Вся так называемая современная литература или то, что, по его мнению, является современной литературой состояло в обратном движении преодоления «я» и «ты» в пользу «он» третьего лица. И это «он» третьего лица – в пользу «он» ещё более глубокого, которое больше не представляет никакого лица.

И тут, мне кажется, Бланшо может нас чему-то научить не только с точки зрения литературы, но с точки зрения лингвистики, потому что, насколько мне известно, он единственный, кто поддерживает этот тип суждения на уровне лингвистики, т.е. именно у Бланшо содержатся элементы критики теории сцеплений, критики лингвистической теории сцеплений. Хотя это любопытно, потому что... Почему же Бланшо этого не делает? Почему... Есть кое-что, чего я не вижу! Что он хочет сказать? Для нас это оборачивается следующим: вся эта схема Бланшо развалится, если не будет проделано то же, что проделал Бенвенист, показывая, что в «я» содержится другое, более глубокое, «я», а именно «я» фразы «я обещаю», более глубокое, чем «я» фразы «я гуляю».

Необходимо, чтобы Бланшо сделал попытку, отличную, но похожую, т.е. противоположную: показал, что в «он» третьего лица содержится «он» более глубокое, такое «он», которое не имеет больше никакого лица и которое касается всех нас, и которое является центром языка, но находится на его периферии, является тензором языка, обеспечивает периферическое натяжение языка, всякое поверхностное натяжение языка, как если бы язык сплюснулся, вытянувшись в направлении своего предела.

Действительно, все авторы, которых он причисляет к тем, кто имел дело с этим загадочным «он», Кафка и другие. Это авторы, работающие с растеканием языка, а совсем не с его центровкой вокруг шифтеров и им подобного. Они работают с неким отстранением и трактуют язык как натягиваемую кожу, поверхностное натяжение кожи, тянущееся к некому пределу... Они не помещают в язык «центров», они пронизывают его «тензорами».

Итак, хорошо, что это значит? Необходимо ещё... И потом, что значит это «он»? Это не сложно, вы, наверное, уже догадались, что это за «он». Если вы со мной согласны – мы сделаем вид, что поверили тому, что говорил Бенвенист. Почему бы и нет? Его точка зрения тоже верна. На уровне «я» существует два уровня. Ещё раз, чтобы не усложнять, скажем по-простому: есть «я» типа «Я гуляю» и «я» типа «Я обещаю». И это разные вещи.

Для нас вопрос в том... Есть ли эти уровни в «он»? Вы мне возразите – действительно ли необходима такая симметрия? Но это, тем не менее, любопытно, потому

что для Бенвениста «он» не представляет никакой трудности. Он моментально переходит от него к «я» и «ты», а от «я» и «ты» переходит к более глубокому «я». У него нет анализа «он». Он рассматривает «он» как общее понятие, подобное слову «собака» и другим таким же. Но, возможно, есть также два «он».

Он может представлять собой третье лицо. Да, хорошо. Это может быть третье лицо. Я говорю «он приходит», он приходит. Чем ещё он может быть? Я не говорю за Бланшо, сейчас я пытаюсь сказать какие-то простые вещи, а потом мы посмотрим, как с этим соотносится то, что говорит Бланшо.

Но есть другое «он», являющееся не только третьим лицом, это безличное «он»: моросит. Моросит. Почему разница этих двух «он» не заслуживает лингвистического анализа подобного анализу «я»?

Когда я говорю «он приходит» или когда говорю «моросит», на лицо также две фразы, которые тянутся к пределу.

Моросит. Что значит тот «он», который скрыт в этой фразе? Что это за знак? Он больше не обозначает кого-то. Что он обозначает? Он обозначает событие.

Таким образом, существует «он» события. Вы также обнаружите этого событийного «он» во фразе «Имеется». Это тем более любопытно, что персонологи пытались подчинить формулу «имеется», трактуя её как шифтер, личному местоимению «я». Но мы говорим о другом. «Имеется» или же «он» скрытый во фразе «моросит» отсылают к событию. Событие – это не человек. Однако, возможно, это некто анонимный? Если вы вспомните, о чём я только что говорил, то поймёте, что мы находимся в самом средоточии проблемы. И, нет! Это не аноним. Это не универсалия. Событие – это, наоборот, нечто совершенно противоположное, единичное, индивидуальное. Вот, необходимо добавить, что индивидуальность события принадлежит иному типу, нежели индивидуальность человека.

В этом тоже заключена очень важная проблема, здесь она возобновляется с новой силой. Но по мере того, как мы её конструируем, нас не покидает мысль, что мы утрачиваем над ней контроль, потому что она разбегается во все стороны. И вот я снова вынужден делать отступление. Я думаю, мы уже ухватили проблему, несмотря на все сделанные нами отступления. Потому что отступления составляют часть конструирования проблемы. Т.е. они не являются частью самой проблемы, и после вы можете их отбросить. Но, чтобы прояснить проблему, необходимы всевозможные обходные пути.

Итак, действительно, есть много авторов, даже я думаю слишком много. Проблема индивидуализации – это другая проблема, и мы разбирали её. Я был рад посвятить ей несколько месяцев, потому что это меня очень интересует.

Есть великое множество авторов – если мы вновь примемся за поиски основания. Множество авторов, которые берут индивидуализацию в её первом смысле, как индивидуализацию «человека». Вот, например, мне на память приходит текст Лейбница. Он говорит: безус-

ловно, существует много способов употребления слова: un (неопределённый артикль мужского рода), une (неопределённый артикль женского рода) – далее следуют размышления о неопределённом артикле, где он говорит: un, une – это серия иерархических степеней. Когда я говорю «некое множество», это будет «чисто сборное бытие», и это абстракция. Когда я говорю «некий (un) камень», то, согласно Лейбницу, это более индивидуально. Когда я говорю некий (un) камень, некий (un) зверь, некое (un) животное, это ещё более индивидуально. И тут он произносит свое знаменитое изречение: «быть неким (un) – это быть Существом (Un)». Понимаете? Быть Существом, с большой буквы. Существо – значит бытийствующее. Существо с большой буквы. Быть – значит быть Существом. Хорошо. Чем больше мы являемся «Существом», тем больше степень нашего бытия. Это возвращает нас к тому, что, в сущности, под бытийствующим понимается человек.

Таким образом, множество авторов думали, что тайна индивидуализации раскрывается со стороны человека. И, в конце концов, они будут утверждать, что событие может иметь индивидуализацию: или посредством производных, или посредством фикции. Это фиктивная или производная индивидуализация. Она предполагает индивидов.

И тут опять возникают англичане. Всё-таки эта история про «национальный гений» - в ней что-то есть. Многие англичане никогда не думали, что дело может обстоять как-то иначе. Но я думаю, что есть английские авторы, которые хотя бы косвенно касались, им пришла в голову идея, что, в конце концов, тайна индивидуализации заключается не в индивиде, истинная индивидуализация заключена в событии. И это занятная идея.

И вы мне ответите, что это подтверждает. Говорит ли это вам о чём-то? Что они имеют в виду? Они имеют в виду, что даже индивиды – они берут обратную производную – они говорят, что даже индивиды индивидуализируются наподобие событий. Просто этого не замечают! У нас столько плохих привычек, и среди них – манера принимать себя за индивидов. Но мы не индивиды. Мы представляем из себя лишь маленькие события. И если мы индивидуализируемся, то делаем это наподобие событий. Это занятно, но теперь необходимо определить, что такое событие.

- Что такое сражение?

- Что такое событие? Событие смерти! Что это? Это событие?

Каково отношение события и индивида? Ранение – это событие? Да, если я ранен. Ранение, это событие? Это выражение чего-то, что со мной происходит или произошло. Хорошо. Как индивидуализируется ранение? Оно индивидуализировано, потому что произошло с индивидом? Или я называю его индивидом, потому что с ним это произошло? Сложновато.

Возможно, вы помните, те, кто присутствовал, не знаю, как давно, но я много времени посвятил следующему

вопросу: что такое индивидуализация какого-либо времени суток? Что такое индивидуализация какого-либо времени года? Что это за тип индивидуализации, который вовсе не касается индивида? Что такое индивидуализация ветра? Когда географы говорят о ветре, знаете, они дают ветрам имена собственные.

Наша проблема совершает скачок. Понимаете? Это всё та же проблема, которой мы занимались с самого начала, но в другом виде. Одни скажут: имя собственное относится, прежде всего, к человеку. Остальные его употребления - производны. Другие скажут – и я делаю свой выбор в пользу этой стороны, что я и пытаюсь сказать. Но нет, это не совсем так, т.е. на первый взгляд – да. Но, в конце концов, это не первый раз, когда всё оказывалось совсем наоборот. Я действительно считаю, что первое значение имени собственного и его смысл, раскрываются через выведение из события. На самом деле то, что называет имя собственное, это не человек, а событие. И прежде всего я хочу сказать, что индивидуализация осуществляется совсем иначе.

Прочитую одно прекрасное стихотворение Лорки: «Как ужасны шесть часов после полудня!». Как ужасны шесть часов после полудня! Что это за индивидуализация? Или в английских романах. Я не говорю, что во всех, но во многих, очень многих английских романах, персонажи – это вовсе не персонажи. И вот мы возвращаемся к Бланшо, к счастью, мы укрепили его позиции, т.е. наши с ним позиции. Но во многих английских романах есть моменты, а иногда это ключевые моменты, когда персонажи не похожи на людей. Они индивидуализированы не как люди.

Например, сёстры Бронте похожи на духов. Они все похожи на духов, но, в особенности, одна из них, не помню точно, возможно, это Шарлотта... Это не человек. Это удивительно напоминает ветер. Ветер, который уносится прочь.

Или у Вирджинии Вулф. Это косяк рыбы. Это прогулка. Вот, я и нашёл похожий случай. То, что Бенвенист недооценивал и считал второстепенным: «Я гуляю». Т.е. для того, чтобы перестать быть «я», мне необходимо просто прогуляться. Если моя прогулка – это прогулка, то я уже не «я», я – это событие.

Та, кто в английской литературе лучше всего умела это показать, – Вирджиния Вулф.

Вирджиния Вулф, как только она заставляет героя что-то делать, он тут же теряет свои человеческие свойства. Отличный пример из Вирджинии Вулф – прогулка Миссис Дэллоуэй. «Я не могу больше сказать, что я такая или иная», - заключает Миссис Дэллоуэй. «Я не могу больше сказать «я», у меня сложности с индивидуальностью». Это очень занятно. Но необходимо опасаться ловушек, а то мы так никогда не закончим. Так вот, существует выбор – между чем и чем? Между тем, чтобы сказать «я» и сказать «ничто», или сказать «я» и сказать «недифференцированная бездна». Между формой «я» и «безликой глубиной».

Есть писатели, есть мыслители. Рассматривайте их как великих живописцев – я считаю, что в философии

столько же творчества, сколько в живописи или музыке. Есть великие философы, работавшие в этих координатах: форма индивидуума или недифференцированная бездна. И это были гении! Один из них, тот, кто дальше всех продвинулся в данном направлении, это Шопенгауэр, который размышлял о горестях индивидуализации, но индивидуализация рассматривалась как индивидуализация человека и недифференцированная бездна. Молодой Ницше будет захвачен этой идеей и в книге «Рождение трагедии» он ещё находится в тех же координатах. Очень скоро Ницше понимает, что есть и другой путь. Средний путь. Это совершенно другой путь, который переворачивает условия задачи. Он говорит: «Нет, необходимо выбирать не между человеческой индивидуальностью и недифференцированной бездной. Есть иной способ индивидуализации».

Итак, мне кажется, что все эти авторы кружатся вокруг этого очень сложного понятия события. Индивидуализации события, которая не связана с индивидуализацией человека. В чём состоит мораль? Во всём, в персонологии, которую я только что описывал. Понимаете? Бенвенист – это лингвистический моралист. Его морализм личностный. В противном случае, возможно, тоже присутствует мораль, но он считает, что это нечто совсем другое. Это другое достоинство, другая мудрость, другое беспутство, это другая не-мудрость, всё другое.

Почему? Потому что, если ваша индивидуализация не человеческая, а, используя терминологию, которую я употреблял в прошлый раз, это индивидуализация, например, племени, то я есть племя. У меня есть племена. У меня есть мои племена. Вы мне скажете: «Ты говоришь твои», значит «Ты говоришь, что ты имеешь». Значит, племя – это подчинение ты/мне. Т.е. ты/я. Но я возражу. Вы не поняли, не приставайте ко мне с языком! Так же, как я говорю «Солнце встает», я говорю «У меня есть мои племена». Но если фраза «У меня есть мои племена» значит не то, что у меня имеется племя, подчинённое «я» и «моё», т.е. личному местоимению первого лица в притяжательной форме, то «я» оказывается индивидуализированным через племя. Т.е. такая индивидуализация – это вовсе не человеческая индивидуализация.

Итак, я спрашиваю, не меняет ли это всей картины? Вопрос не в том, кто прав, а кто нет. Теперь мы можем сказать, что имя собственное обозначает, прежде всего, события. Оно обозначает ветра, оно обозначает события. Оно не обозначает людей. Людей оно обозначает в самую последнюю очередь. Иными словами, мы создаём анти-Бенвениста. Но мы не за и не против него. Мы просто следуем другим путём. Что это значит? Почему я говорю об индивидуализации посредством событий, в противоположность обычной индивидуализации. Я чуть не сказал, человеческой индивидуализации. Но что это такое? Это просто лингвистическая фикция, её не существует.

Хорошо, но что это значит? Это значит, что это должно быть событие. И это забавно, потому что необходимо, в свою очередь, провести различие внутри

событий. Мы никогда не закончим со всеми этими различиями. Но мы их отложим. Ой, я порезался, вот порез... Я порезался ножом.

Был один очень любопытный автор, Жоэ Буске. Он был ранен осколком снаряда во время войны. Он уже давно, очень давно умер. Так вот, он был парализован, неподвижен. Он был прикован к постели и много писал, в том числе, об этом. К счастью, он писал не только о себе. Он писал о том, что считал достойным. И вот одна фраза Буске, которая кажется довольно странной. Он говорит «моё ранение», «моё ранение предшествовало мне, я был рождён, чтобы оно произошло». Тут есть много чего. Но что он, в действительности, хотел этим сказать? Вы заметите, что только тяжело больной, тяжело затронутый, может позволить себе такое суждение, которое в иных устах звучало бы одиозно. Необходимо быть Буске, раненным осколком снаряда и совершенно парализованным, чтобы вынести подобное суждение. «Моё ранение предшествовало мне», это похоже на дьявольскую гордыню. «я был рождён, чтобы оно произошло».

Если фраза вам что-нибудь говорит... возьмите на вооружение этот метод..., если фраза вам ничего не говорит, то забудьте. Но если фраза вам что-нибудь говорит, то попытаемся продолжить. Что он мог хотеть этим сказать? Мне кажется, он прекрасно объясняет, мы это чувствуем, что событие существует только как совершившееся. Не существует не совершившихся событий. Как не существует «платоновской идеи ранения». Но, в то же время, в событии всегда есть часть, которая выходит за рамки, превосходит своё собственное свершение. Иными словами, событие существует только, если оно осуществляется. Но в чём? И я возвращаюсь к терминам, которые мы недавно ввели.

Событие существует только, если осуществляется в людях и вещах... людях и положениях вещей. Война не может существовать без солдат, которые её ведут и без оружия, которое они используют в бою. То есть она осуществляется в местах, захваченных ею. Осуществляется в положении вещей и в людях. Иначе не о чем было бы и говорить. Ни о какой войне... а только о пустой идее войны. И что же это значит? Я должен подтвердить, что всякое событие принадлежит этому типу.

В то же время, я вынужден признать, что в любом событии, даже самом небольшом, самом незначительном есть нечто, что превосходит его осуществление. Есть нечто неосуществимое.

Я не могу углубляться в эту тему. Но что же это за неосуществимое? Не то ли это, что я называл собственной индивидуализацией события, той, которая не воплощается ни в людях, ни в положениях вещей. Например, холодный ветер – не знаю, любите вы или нет холодный ветер – он не существует помимо своего осуществления. В чём? В положении вещей: например, температуры, которая его вызывает. А также в людях, потому что холод чувствуют люди, животные и т.д. И, однако, некоторые из вас могут с полным правом заявить, что это им ничего не доказывает.

Что-то мне подсказывает, что нет такого холодного ветра, который бы не превосходил себя, т.е. ту свою часть, которая неотделима от его осуществления. И какое бы событие ни происходило с нами, обязательно присутствует нечто, что можно назвать «сиянием события», и оно превосходит всякое осуществление. Оно не может существовать без осуществления и, в то же время, превосходит своё осуществление. Как если бы у него был некий «избыток», некий довесок. Хорошо. Нечто, что превосходит осуществление в вещах и людях.

Это то, что я назвал более глубоким уровнем события.

Не глубоким. Это слово не совсем удачно, потому что это уже не мир глубины. Вот я уже и путаюсь в словах. Но вы видите, к чему я веду. Мы теперь лучше понимаем фразу Буске «всё дело в том, чтобы быть достойным». Вот и вся его мораль – «быть достойным того, что с нами происходит», что бы с нами ни происходило, плохое или хорошее. Если вы знаете, это похоже на стоическую мораль, но там всё принимает совершенно иной оборот.

Принимать событие. Что это значит? Принимать событие, это не значит смиряться: «да, господи, ты всегда прав», стоики говорят не об этом. Я думаю, что не случайно именно стоики были первыми, кто разработал теорию события и увели её так далеко от события. Они хотели сказать, что в событии присутствует то, что на их языке мы могли бы назвать «бестелесным». Событие одновременно и воплощается в теле, не существуя помимо этого воплощения, и содержит в себе нечто бестелесное.

«Моё ранение предшествовало мне, я был рождён, чтобы оно произошло». Иными словами, оно воплощается во мне, но оно также содержит в себе нечто такое, что уже не является моим ранением. Это «он» ранения.

Хорошо. Возвращаемся к Бланшо. Вы понимаете, откуда это «быть достойным того, что с нами происходит»? Что бы это ни было, пусть полное дерьмо, пусть катастрофа, пусть великое счастье. Есть люди, недостойные событий, которые с ними происходят. Пусть это будут страдания или радость и другие прекрасные вещи. И те, кто занимается персонологией, кто концентрирует внимание на первом и втором лице, не видят этой сферы, сферы события.

Хорошо. Быть достойным того, что с нами происходит – это интересная идея, или, скорее, это очень интересный стиль жизни. Ничего не усреднять. Есть люди, которые усредняют смерть. Есть люди, которые усредняют свою болезнь, хотя они больны. Их болезни – это события. Есть люди, которые всё загаживают, как тот тип, который написал «Убейте себя!»

Вот формула великой посредственности. Этот человек не знает смерти, абсолютно. Те, кто знают смерть, наоборот, провозглашают культ жизни... А это просто маленький недоумок.

Итак, хорошо. Это понятно? Быть достойным того, что с вами происходит – это значит раскрывать в событии, осуществляемом посредством меня, ту часть, которая превосходит всякое осуществление.

Научно-образовательный центр «Эстетики и эстетического образования» Кафедры философии и религиоведения ФГБОУ ВО «Владимирского государственного университета» имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых Департамент Культуры Владимирской области предлагают принять участие в Международной научной конференции «Эстетика и эстетическое образование в процессе трансформации современной культуры».

К участию в конференции приглашаются преподаватели, студенты, магистранты, аспиранты, докторанты, научные сотрудники и все те, кто неравнодушен к проблемам эстетики и современной культуры.

Проблемное поле конференции:

- Эстетика и философия искусства,
- Эстетика в филологических исследованиях и образовании,
- Эстетика в истории культуры и музеологии,
- Эстетика архитектуры и строительства,
- Эстетика театра и театрального образования,
- Нравственная эстетика и эстетическая этика,
- Феноменологическая эстетика,
- Эстетика повседневности, быта и еды,
- Эстетика общения и этикет,
- Эстетика информационной и цифровой культуры,
- Эстетика музыки,
- Эстетика сознания и деятельности,
- Преподавание эстетики в учебных заведениях России и за рубежом.

Время проведения конференции: 06 - 07 апреля 2018 года.

Для участия в конференции необходимо представить заявку, оформленную по прилагаемой форме, и текст статьи, оформленный в соответствии с прилагаемыми правилами.

Заявки на участие принимаются до 05 марта 2018 года по следующим адресам координаторов конференции:

joan_lat@mail.ru - Латышева Жанна Вячеславовна

a_semenovich76@mail.ru - Семенович Александр Владимирович

По итогам конференции планируется издание сборника научных статей участников. Статьи участников будут загружены постатейно в систему РИНЦ.

Плата за публикацию составляет 200 рублей за 1 страницу

Заявка
на участие в Международной научной конференции
«Эстетика и эстетическое образование в процессе
трансформации современной культуры»

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание	
Место работы (учебы)	
Адрес электронной почты	
Номер телефона	
Название статьи	

Правила оформления статьи

Статьи принимаются в электронном виде в формате .doc или .docx

Название файла со статьей обязательно должно содержать фамилию и инициалы автора (авторов) и полное или краткое название статьи: Партр Ж.С. – Проблема выбора при тошноте.

Файлы, названные «Статья», «Статья во Владимир» и подобным образом, редакцией не принимаются.

Формат страницы А4, верхнее поле – 2,5 см, нижнее поле – 2,5 см, левое поле – 2,5 см, правое поле – 2,5 см.

Шрифт Times New Roman, кегль – 14 пт.

Выравнивание абзацев основного текста – по ширине, без автоматических переносов, межстрочный интервал – 1,5, отступ первой строки – 1,25 см.

В левом верхнем углу первой страницы проставляется индекс УДК. В правом верхнем углу указывается имя, отчество, фамилии автора (авторов).

Название работы дается ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ по центру страницы.

Под названием работы размещаются **аннотация** статьи на русском языке объемом не более 8 строк (кегль – 12 пт обычный, выравнивание по ширине), и **ключевые слова** (не более 10 слов), словосочетание «Ключевые слова» выделяется курсивом.

В тексте не допускается смещение дефиса (-) и тире (–), используются кавычки только следующего типа: «».

Графические изображения только черно-белые, с обязательной копией изображения в отдельном файле (в формате jpg); каждый рисунок должен иметь название или сопровождаться комментарием, расположенными под рисунком (кегль – 12 пт обычный, выравнивание по ширине).

Таблицы следует снабдить порядковым номером и заголовком, расположенным над таблицей (кегль – 12 пт обычный, выравнивание по ширине). Все графы в таблице должны иметь заголовки с прописной буквы, сокращения слов в таблице не допускаются.

Сноски даются постраничные со сквозной нумерацией.

Ссылки на литературу даются в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы и страницы по образцу: [3: 154].

Библиография работы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке** (кегль – 12 пт) и оформляется по ГОСТ 7.0.5–2008 (таково требование РИНЦ):

Библиографические ссылки

1. Альми И. «Есть в близости людей заветная черта...» О сквозном мотиве русской литературы // Вопросы литературы. – 2015. – №3. – С. 31-57.
2. Белоусова А.С. Генезис и эволюция русской октавы: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2013. – 26 с.
3. Гуськов Н.А. «Весь мир – театр» (к изучению топики А.Н. Островского) // Риторическая традиция и русская литература: Межвуз. сб. / Под ред. П.Е. Бухаркина. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – С. 181-196.
4. Соловьев В.С. Красота в природе: соч. в 2 т. – М.: Прогресс, 1988. Т. 1. – С. 30-46.
5. Тёрнер Ф.М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше / Под ред. Р. Лофтхауса; пер. с англ. Т.О. Новиковой – М.: Кучково поле, 2016. – 384 с.
6. Трыков В.П. Французский литературный портрет XIX века: дис... доктора филол. наук. – М., 1999. – 400 с.
7. Showalter E. Sylvia Plath's Different Shades [Электронный ресурс] // The New York Review of Books. URL: <http://www.nybooks.com/daily/2017/11/20/sylvia-plaths-different-shades/> (дата обращения: 25.11.2017).

В конце статьи (после библиографии) **на английском языке** указываются фамилия, имя, отчество автора, название работы, дается перевод аннотации и ключевых слов (*Key words*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Информационное ПИСЬМО

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Уральский гуманитарный институт
Научная группа «Полилингвизм и поликультурность
в эпоху постграмотности»

Третья международная научно-теоретическая конференция
«Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности»
(26-28 апреля 2018 года, г. Екатеринбург)

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас принять участие в дискуссии по актуальным проблемам современной теории культуры, коммуникаций, языков и текстов, сформировавшимся в последние годы в условиях становления информационного общества.

Постграмотность – это отличающее современную культуру сосуществование и системное взаимосвязанное функционирование всех возникших в истории культуры форм грамотности. Ситуация постграмотности характеризуется активным овладением субъектом культуры всеми разнообразными формами грамотности в свободных, востребованных культурной средой сочетаниях, осуществляемых на протяжении всей жизни человека, так что такое овладение делает каждого ее независимым и активным творцом.

Эпоха постграмотности – это культурная эпоха, которая отличается сверх разнообразием следующих черт: 1) одновременное сосуществование в единой культуре различных толкований грамотности (постграмотность, мультимедийная грамотность, информационно-медийная грамотность); 2) многообразие сфер реализации грамотности: а) языковые сферы: лингвистическая, визуальная, телевизионная, медийная и другие, б) социальные сферы: информационная, экологическая, политическая, экономическая и т.п.; 3) разнообразие материалов для освоения грамотности: книга, фильм, танец, архитектурный ансамбль, статистическая таблица, электронное табло, диаграмма, формула, схема, смс-сообщение, пост, блог, ммс-сообщение и прочее; 4) свободное сочетание различных видов грамотности субъектом культуры, делающее данного субъекта креативным и независимым.

Мы предлагаем обсудить то, каким образом супер-разнообразие воплощается и сообщает о себе в языках культуры: 1) языках естественных, вербальных, 2) языках различных видов искусства, 3) языках науки и 4) языках искусственных (языки программирования). На дискуссию выносятся вопросы не только о способах существования каждого из этих языков, но и о том, при помощи каких медиа (посредников) транслируются тексты, созданные на этих языках, каким образом формируются и воспринимаются сложные полиморфные (“multy-modal”) тексты в современной культуре, как осознается и осуществляется переход от чтения преимущественно печатной мономорфной (“mono-modal”) страницы к чтению полиморфного экранного текста.

В качестве условий возникновения эффекта постграмотности в современной культуре предлагается рассмотреть информационные технологии с точки зрения вызванных ими социокультурных изменений, приведших к формированию информационного общества,

а также возникновению различных языковых субкультур, и явлению поликультурности, в условиях которой изменились социальные функции коммуникации и чтения, вербальных, и в том числе литературных национальных языков,

Мы приглашаем к обсуждению проблем коммуникации, полиязычия, поликультурности и постграмотности:

- всех, кто интересуется проблемами языков культуры и современных способов порождения и восприятия текстов при помощи различных языков культуры;
- всех, кто исследует природу современных текстов и особенности их структурно-морфологического и знаково-смыслового функционирования;
- всех, кто изучает способы коммуникации и социальной организации различных языковых субкультур, и феномен поликультурности в современности;
- всех, кто изучает цифровые медиа, дающие новые коммуникативно-выразительные возможности современной культуре;
- всех, кто познает мир современной культуры как мир множественных по своему авторству и бескрайних по своим контекстам сетевых и несетевых полиморфных и полиязычных текстов.

Предполагаемые секции:

1. «Языки и обучение языкам в эпоху культурного сверхразнообразия»

Гузикова М.О., Рассказова Т.П., Рафаэль Фортеза Ф.Ф.

1. World Languages, Language Variation and English as a Lingua Franca
2. IT in Language Teaching
3. The Writer, the Reader, and the Text
4. EFL Teaching in Post-literacy and Multimodality
5. EFL Learners and their Challenges in Post-literacy Era
6. Challenges in Multilingual Environment in Education
7. Language Policy and Language Choice
8. Multilingual Dynamics of Globalization and Multilingualism in Foreign Language Education

2. «Коммуникации в современной художественной культуре» Круглова Т.А.

1. Современное искусство как источник новых и регулятор множественности социальных коммуникаций.
2. Специфика внутри-художественной коммуникации в современном искусстве: новое в общении между адресатом и автором; трансформации художественной рецепции; роль медиаторов в установлении контакта с произведением искусства.
3. Социальные коммуникации по поводу искусства и вокруг него: институциональные форматы обсуждений произведений искусства; способы влияния публики, сообществ, общественных и политических организаций на художественное производство и распространение его продукции; роль и место экспертного сообщества в выстраивании диалога вокруг современного искусства.

3. «Медиа-коммуникации в эпоху постграмотности» Гудова М.Ю., А.В. Фаюстов

1. Разнообразие медиа в культуре постграмотности и формирование медийных сообществ и медийных субкультур: технико-технологический и личностно-харизматический аспекты.
2. Разнообразие языков и кодов в современных медийных субкультурах; ценностно-содержательные, технико-технологические, темпоральные разрывы коммуникации между представителями различных медийных сообществ и субкультур, разнообразие как источник развития и источник угроз.
3. Тексты современных медиа сообществ, проблема их авторства и понимания, трансляции и интерпретации.
4. Медийные механизмы идентификации и множественность идентичностей в современную эпоху. Роль медиа-персон в современных процессах конструирования идентичностей.

4. «Event как механизм настройки социокультурной коммуникации» Поршнева О.С.
1. Event в системе современных социальных взаимодействий
  2. Event как способ означивания картины мира и формирования идентичностей
  3. Технологии Event-сервиса и формирование супер-разнообразия языков коммуникаций
  4. Event как форма современных кросс-культурных коммуникаций. Формирование языков коммуникаций в современной поликультурной среде Event-средствами.
  5. Развитие личностного потенциала участников современных коммуникаций в хронотопе Eventa.
5. «Дизайн: искусство создания дружественного интерфейса в условиях сверхразнообразия» Ган О.И., Зиновьева Е.А.
1. От прошлого к будущему дизайна – история эволюции дружественных интерфейсов и перспективы развития в условиях постграмотности и супер-разнообразия.
  2. Дружественные интерфейсы – стимулы для развития и открытие пользовательских возможностей для всех или создание высокотехнологичных условий для реванша лени и невежества?
  3. Разнообразие интерфейсов предметного мира.
  4. Интеллектуализация дружественных интерфейсов - перспективы развития.
  5. Технологии обеспечения дружественных интерфейсов.
6. «Полиморфизм гуманитарного знания в перспективах информационно-коммуникационных технологий». Кислов А.Г., Сухов А.А.
1. Цифровые гуманитарные науки: утрата несоизмеримости.
  2. Интеллектуальные системы в процессах коммуникации.
  3. Логика и коммуникация: семантика и прагматика, речевые акты и языковые игры, аргументация и полемика.
  4. Интернет и моделирование социального взаимодействия.
  5. Кибер-онтологии как пространства коммуникации: компьютерные игры, виртуальные, дополненные и другие «реальности».
  6. Big Data как гуманитарная проблема: социальные и методологические аспекты современной работы с информацией.

Для участия в конференции необходимо в срок **до 15 апреля 2018 г.** отправить на электронный (или почтовый) адрес оргкомитета: заявку на участие в конференции, и РРТ-слайд (постер) с тезисами доклада (структура слайда в прикрепленном файле) на русском или английском языке.

Заявка на участие в конференции оформляется по следующему образцу:

ЗАЯВКА

на участие в Международной научно-теоретической конференции
«Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности: языки супер-разнообразия»

Фамилия	
Имя	
Отчество	
Место работы (учебы)	
Должность	
Ученая степень (если есть)	
Звание (если есть)	
Почтовый адрес с указанием индекса	
e-mail, контактный телефон	

Требования к оформлению списка литературы:

- Список использованной литературы приводится в конце статьи: сначала приводится литература на русском языке по алфавиту, затем на иностранном – также по алфавиту;
- Ссылки в тексте на работу даются в квадратных скобках: указывается номер по списку литературы [5], если необходимо сослаться не несколько работ – номера работ приводятся через точку с запятой [5; 8]; в случае цитирования указывается страница/страницы, на которых расположен цитируемый текст в книге, после запятой за номером работы с списке использованной литературы [5, с. 6];
- Требования к библиографическому описанию: обязательно должны быть приведены все элементы библиографического описания работы: автор (фамилия И.О.), полное название работы (включая подзаголовки; для материалов конференций название конференции, город, дата проведения), место (город, издательство) и год издания, объем в страницах. Полное описание книги можно взять на обороте титула книги в библиографической карточке.

Примеры:

- Монография
  - a. Сонгаг С. О фотографии / Пер. В. Гольшева. – М.: Ад Маргинем, 2013. – 272 с.
  - b. Краусс Р. Фотографическое: опыт теории расхождений / Пер. с англ. и фр. А. Шестакова. – М.: Ад Маргинем, 2014. – 350 с.
  - c. Venuti L. The Translator's invisibility: a history of translation. – L.: Routledge, 2004. – 356p.
    - Предисловие (вводная статья) к монографии
- a. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 297–318.
  - Статья в журнале
- a. Сурков А. А. Австралия поет // Огонек. – 1961. – №26. – С.22–24.
  - Электронные ресурсы
- a. Dictionary of Australian slang [Электронный ресурс] URL: <http://www.koalanet.com.au/australian-slang.html> (дата обращения: 07.03.2016).
- b. Australian songs/Waltzing Matilda. In: UniquelyAustralian [Электронный ресурс] URL: <http://alldownunder.com/australian-music-songs/waltzing-matilda-a.htm> (дата обращения: 07.03.16).
- c. Крыловский К. Статьи – Психология рекламы. 2004-2008. URL: http://www.ideaura.com/psychology/how_to_make_good_ads.php(дата обращения:15.0.2016).

С УВАЖЕНИЕМ ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ!

Представительство кафедры ЮНЕСКО
ФГБОУ ВО Тюменский государственный институт культуры
IX Международная Научная Конференция
Платформа № 4
«Современное искусство в России и за рубежом:
идеи, проблемы, тенденции»
Тюмень, 26 мая 2018 года

ПРИЛОЖЕНИЕ

Искусство всегда было и остается площадкой активных действий молодых и перспективных художников, музыкантов и исследователей. Русский авангард начала XX века оказал глубокое воздействие на культуру и искусство самых разных стран мира, что способствовало развитию интереса к русской культуре, а также укреплению международных связей. Рассматривая различные направления и тенденции современного искусства в контексте их взаимных пересечений и влияний в России и за рубежом, а также отношений между художественными предприятиями, школами и мастерами, конференция преследует цель выявить принципы развития искусства второй половины XX – начала XXI века. Междисциплинарный характер конференции позволит охватить различные сферы и направления современного искусства: живопись, графику, скульптуру, архитектуру, музыку, театр, кино.

К обсуждению предлагаются следующие темы:

- просветительская и образовательная роль искусства в России и за рубежом
- традиция как способ осмысления культуры и искусства в России и за рубежом
- войны «символов» и «знаков» в современном российском и зарубежном искусстве
- генеалогия понятия «современность» и мир искусства (от 60-70-х гг. XX века до наших дней)
- феномены новой чувственности в современном искусстве
- художественная парадигма и многообразие художественных практик современного искусства
- акционизм и новые форматы современного искусства: «жизнь художника как произведение»
- поэтическое изобретение языков и современная культура

Участие в конференции предполагается очное и заочное. Заявки на участие в конференции с тезисами доклада (до 1000 знаков) и краткой биографией просьба присылать не позднее 15 апреля 2018 г. по адресу: IraNekhaeva@tumgik.ru

Срок предоставления полнотекстовых докладов – 1 мая 2018 г.

Дата проведения конференции – 26 мая 2018 г.

Рабочий язык конференции – русский, английский

К участию приглашаются философы, культурологи, искусствоведы, критики искусства, социологи, лингвисты, историки, музейные работники, художники, а также все заинтересованные в обсуждении заявленных тем.

Организаторы: Представительство Кафедры ЮНЕСКО Тюменского Государственного Института Культуры

Цель конференции: предоставить возможность молодым ученым, студентам, магистрантам, аспирантам, а также поэтам, художникам и музыкантам поделиться своими работами и исследованиями в области современного искусства и обменяться мнениями, предложениями и замечаниями не только своих коллег по цеху, но и состоявшихся ученых и исследователей современного искусства XX-XXI века. Отхождение от привычного формата академического чтения докладов только приветствуется!

По организационным вопросам можно обращаться к Ираиде Николаевне Нехаевой, д. филос.н., доцент кафедры фортепиано и концертмейстерства (Тел.: 89829412059; E-mail: IraNekhaeva@tumgik.ru; skype: iraida.nekhaeva).

Российское эстетическое общество:
<http://rusaesthetics.ru>
https://twitter.com/Rus_Aesthetics
https://vk.com/rus_aesthetics
<https://www.facebook.com/RussAesthetics/>

